

СЕРГЪЙ ЕСЕНИНЪ.

РАДУНИЦА

ПЕТРОГРАДЪ
1916

”Книжные редкости”
Библиотека репринтных изданий

Издательство ”Книга”
Москва 1990

РАДУНИЦА

Сергѣй Есенинъ

РАДУНИЦА

Издание М. В. Аверьянова
ПГ. 1916

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Московя, 40.

РУСЬ

МИКОЛА.

1.

Въ шапкѣ облачнаго скола,
Въ лапоточкахъ, словно тѣнь,
Ходитъ милостникъ Микола
Мимо сель и деревень.

На плечахъ его котомка,
Стягловица въ двѣ тесьмы,
Онъ идетъ, поетъ негромко
Иорданскіе псалмы.

Злая скорби, злое горе
Даль холодная впила;
Загораются, какъ зори,
Въ синемъ небѣ купола.

Наклонивши ликъ свой кроткій,
Дремлетъ рядъ плакучихъ ивъ,
И какъ шелковыя четки —
Вѣтокъ бисерный извивъ.

Ходить ласковый угодникъ,
Потъ елейный льетъ съ лица:
— Ой ты, лѣсъ мой, хороводникъ,
Прибаюкай пришлеца.

2.

Заневѣстилася кругомъ
Роща елей и березъ.
По кустамъ зеленымъ лугомъ
Льнуть охлопья синихъ росъ.

Тучка тѣнюю расколола
Зеленистый косогоръ...
Умывается Микола
Бѣлой пѣной изъ озеръ.

Подъ березкою невѣстой,
За сухимъ посошникомъ,
Утирается берестой,
Словно мягкимъ рушникомъ.

И идетъ стопой неспѣшной
По селеньямъ, пустырямъ:
— Я жилецъ страны нездѣшной,
Прохожу къ монастырямъ.

Высоко стоит злотравье,
Спорышня кадит туманъ:
— Помолюсь, схожу, за здравье
Православныхъ христіанъ.

3.

Ходить странникъ по дорогамъ,
Гдѣ зовуть его въ бѣдѣ,
И съ земли гуторить съ Богомъ
Въ бѣлой тучѣ-бородѣ.

Говорить Господь съ престола,
Приоткрывъ окно за рай:
— О, мой вѣрный рабъ, Микола,
Обойди ты русскій край.

Защити тамъ въ черныхъ бѣдахъ
Скорбью вытерзанный людъ.
Помолись съ нимъ о побѣдахъ
И за нищій ихъ уютъ.

Ходить странникъ по трактирамъ,
Говорить, завидя сходъ:
— Я пришелъ къ вамъ, братья, съ миромъ —
Исцѣлить печаль заботъ.

Ваши души къ подорожью
Тянетъ съ посохомъ сума.
Собирайте милость Божью
Спѣлой рожью въ закрома.

4.

Горекъ запахъ черной гари,
Осень рощи подожгла.
Собираетъ странникъ тварей,
Кормить просомъ съ подола.

— Ой, прощайте, бѣлы птицы,
Прячьтесь, звѣри, въ терему,
Темный боръ, — щекочутъ свахи:
— Сватай дѣвицу зиму.

— Всѣмъ есть мѣсто, всѣмъ есть логовъ,
Отрывай, земля, имъ грудь!
Я — слуга давнишній Боговъ,
Въ Божій теремъ правлю путь.

Звонкій мраморъ бѣлыхъ лѣстницъ
Протянулся въ райскій садъ;
Словно космица кудесницъ
Звѣзды въ яблоняхъ висятъ.

На престолѣ свѣтитъ зорче
Въ алыхъ ризахъ кроткій Спасъ;
— Миколае чудотворче,
Помолись ему за насъ.

5.

Кроютъ зори райскій теремъ,
У окошка Божья Мать
Голубей сзываетъ къ дверямъ
Рожь зернистую клевать.

— Клюйте, ангельскія птицы:
Кодось—жизненный полеть.
Ароматнѣй медуницы
Пахнетъ жней веселыхъ поть.

Кружевами лѣсъ украшень,
Ели — словно кушина.
По лощинамъ черныхъ пашень —
Пряжа выснѣжнаго льна.

Засучивши съ рожью полы,
Пахаря трясуть лузгу,
Въ честь угодника Миколы
Сѣютъ рожью на снѣгу.

И, какъ о траву окосья
Въ вечерѣющій покось,
На снѣгу звенять колосья
За косницами березь.

И Н О К Ъ.

Пойду въ скуфейкѣ, свѣтлый инокъ,
Степной тропой къ монастырямъ;
Сухой кошель изъ хворостинокъ
Повѣшу за плечи къ кудрямъ.

Хочу концы земли измѣрить,
По отуманенной росѣ,
И въ счастье ближняго повѣрить
На взбороненной полосѣ.

Иду. Въ травѣ звенить мой посохъ,
Въ лицо махаетъ шаль зари;
Сгребая сѣно на покосахъ,
Поютъ мнѣ пѣсни косари.

Глядя за кольца лычныхъ прясель,
Одной лишъ думой мысляю я:
Счастливь, кто жизнь свою украсиль
Трудомъ земного бытія.

Съ улыбкой радостнаго счастья
Иду въ другіе берега,
Вкусивъ безплотнаго причастья,
Молясь на копны и стога.

К А Л И К И.

Проходили калики деревнями,
Выпивали подъ окнами квасу;
У церкви предъ затворами древними
Поклонялись Пречистому Спасу.

Пробиралися странники по полю,
Пѣли стихъ о сладчайшемъ Исусѣ.
Мимо клячи съ поклажею топали,
Подпѣвали горластые гуси.

Ковыляли убогіе по стаду,
Говорили страдальныя рѣчи:
— Всѣ единому служимъ мы Господу,
Возлагая вериги на плечи.

Вынимали калики поспѣшливо
Для коровъ сбереженныя крохи.
И кричали пастушки насмѣшливо:
— Дѣвки въ пляску! Идутъ скоморохи.

* * *

Не съ бурнымъ вѣтромъ тучи тають,
Сливаясь съ кроткой синевою,
Рогульки мѣсяца ныряють
По перелѣскамъ, въ кудряхъ хвой.

Я вижу — въ просиничномъ платѣ,
На легкокрылыхъ облакахъ,
Идетъ возлюбленная Мати
Съ Пречистымъ Сыномъ на рукахъ.

Она несетъ для міра снова
Распятъ воскреснаго Христа.
— Ходи, мой сынъ, живи безъ крова,
Зоркой и полднѣй у куста.

**И въ каждомъ странникѣ убогомъ
Я визнавать пойду съ тоской,
Не Помазуемый ли Богомъ
Стучить берестяной клюкой.**

**И, можетъ быть, пройду я мимо
И не замѣчу въ тайный часъ,
Что въ еляхъ крылья херувима,
А подъ пенькомъ голодный Спасъ.**

* * *

Задымился вечеръ, дремлетъ котъ на брусѣ.
Кто-то помолился: „Господи Исусе“.

Полыхаютъ зори, вуртятся туманы,
Надъ рѣзнымъ окошкомъ занавѣсъ багряный.

Вьются паутины съ золотой повѣти.
Гдѣ-то мышъ скребется въ затворенной клѣткѣ...

У лѣсной поляны — въ свяслахъ копны хлѣба,
Ели, словно копья, уперлися въ небо.

Закадили дымомъ подъ росою рощи...
Въ сердцѣ почиваютъ тишина и мощи.

* * *

Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты — въ ризахъ образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосетъ глаза.

Какъ захожій богомолецъ,
Я смотрю твои поля.
А у низенькихъ околицъ
Звонно чахнутъ тополя.

Пахнетъ лблокомъ и медомъ
По церквамъ твой кроткій Спасъ.
И гудитъ за корогодомъ
На лугахъ веселый плясъ.

Побѣгу по мягкой стѣжкѣ
На приволь зеленыхъ лѣхъ,
Мнѣ навстрѣчу, какъ сережки,
Прозвенить дѣвичій смѣхъ.

Если крикнетъ рать святая:
— Кинь ты Русь, живи въ раю!
Я скажу: не надо рая,
Дайте родину мою.

БОГОМОЛКИ.

По дорогѣ идутъ богомолки,
Подъ ногами полынь да комли,
Раздвигая щипульные колки,
На канавахъ звенять костыли.

Топчутъ лапти по полю кукольной,
Гдѣ-то ржанье и храпъ табуна,
И зоветь ихъ съ большой колокольни
Гулкій звонъ, словно зыкъ чугуна.

Отряхаютъ старухи дулейки,
Вяжутъ дѣвки косицы до пять.
Изъ подворья съ высокой келейки,
На платки ихъ монахи глядятъ.

На вратахъ монастырскіе знаки:
„Упокою грядущихъ ко мнѣ“,
А въ саду разбрехались собаки,
Словно чужь воровъ на гумнѣ.

Лижуть сумерки золото солнца,
Въ дальнихъ рощахъ аukaетъ звонъ...
По тѣни отъ ветлы-веретенца
Богомолки идутъ на канонъ.

ПОМИНКИ.

Заслонили ветлы сиротливо
Косниками мертвыя жилища.
Словно снѣгъ бѣлѣется коливо —
На поминъ небеснымъ птахамъ пища.

Тащутъ галки рисъ съ могилокъ постный,
Вяжутъ нищіе надъ сумками бечевки.
Причитаютъ матери и крестны,
Голосятъ невѣсты и золовки.

По камнямъ, надъ толстымъ слоемъ пыли,
Вьется хмель запутанный и клейкій.
Длинный попъ въ худой епитрахили
Подбираетъ черныя копейки.

Подъ чередъ за скромнымъ подаяньемъ
Ищутъ странницы отпѣтую могилу.
И поетъ дьячекъ за поминаньемъ:
„Рабъ усопшихъ, Господи, помилуй“.

* * *

Шель Господь пытать людей въ любви,
Выходилъ онъ нищимъ на кулижку.
Старый дѣдъ на пнѣ сухомъ, въ дубровѣ
Жамкаль деснами зачерствѣлую пышку.

Увидалъ дѣдъ нищаго дорогой,
На тропинкѣ съ клюшкою желѣзной,
И подумалъ: — Вишь, какой убогой
— Знать, отъ голода качается болѣзный.

Подошелъ Господь, скрывая скорбь и муку:
— Видно, моль, сердца ихъ не разбудишь...
И сказалъ старикъ, протягивая руку:
— На, пожуй... маленько крѣпче будешь.

* * *

Край родной, поля, какъ святцы,
Рощи въ вѣнчикахъ иконныхъ...
Я хотѣлъ бы затеряться
Въ зеленяхъ твоихъ стозвонныхъ.

По межѣ, на переметкѣ,
Резада и риза кашки,
И вызваниваютъ въ четки
Ивы, кроткія монашки.

Курить облакомъ болото,
Гарь въ небесномъ коромыслѣ.
Съ тихой тайной для кого-то
Затаилъ я въ сердцѣ мысли.

Все встрѣчаю, все приѣмлю,
Радъ и счастливъ душу вынуть.
Я пришелъ на эту землю,
Чтобъ скорѣй ее покинуть.

УЛОГІЙ.

Я странникъ улогій
Въ кубеткѣ сырой.
Пою я о Богѣ
Касаткой степной.

На шелковомъ блюдѣ
Опада осинь,
Послушайте, люди,
Ухлюпы трясинь.

Ширкомъ въ луговины,
Цѣлуя сосну,
Поютъ быстровины
Про рай и весну.

**Я странникъ улогій,
Молюсь въ синеву.
На палой дорогѣ
Ложуся въ траву.**

**Покоюся сладко
Межъ росновыхъ бусь.
На сердцѣ лампадка,
А въ сердцѣ Исусь.**

ВЪ ХАТѢ.

**Пахнетъ рыхлыми драченами,
У порога въ дежкѣ квась,
Надъ печурками точеными
Тараканы лѣзутъ въ пазъ.**

**Вьется сажа надъ заслонкою
Въ печкѣ нитки попелиць,
А на лавкѣ за солонкою —
Шелуха сырыхъ яицъ.**

**Мать съ ухватами не сладится,
Нагибается низко,
Старый котъ къ махоткѣ крадется
На парное молоко.**

Квохчуть куры беспокойныя
Надъ оглоблями сохи,
На дворъ обѣдную стройную
Запѣвають пѣтухи.

А въ окнѣ на сѣни скатыя,
Отъ пугливой шумоты,
Изъ угловъ щенки кудлатые
Заползають въ хомуты.

ВЫТЬ.

Д. В. Философову.

Черная, потомъ пропахшая выть,
Какъ мнѣ тебя не ласкать, не любить.

Выйду на озеро въ синюю гать,
Къ сердцу вечерняи льнетъ благодать.

Сърымъ веретьемъ стоять шалаши,
Глухо баюкають хлюпъ камыши.

Красный костеръ окровилъ таганы,
Въ хворостѣ бѣлыя вѣки луны.

Тихо, на корточкахъ, въ пятнахъ зари
Слушаютъ сказъ старика косари.

Гдѣ-то вдали, на куканѣ рѣки
Дремную пѣсню поютъ рыбаки.

Оловомъ свѣтится лужная голь...
Грустная пѣсня, ты — русская боль.

Д Ъ Д Ъ.

Сухлымъ войлокомъ по стежкамъ
Разрыхлѣлъ въ травѣ пометъ.
У гуменъ къ репейнымъ брошкамъ
Липнетъ мушій хороводъ.

Старый дѣдъ, согнувши спину,
Чиститъ вытоптанный токъ
И подонную мякину
Загребаеть въ уголокъ.

Щурясь къ облачному глазу,
Подсѣкаетъ онъ лопухъ.
Роеть скрябкою по пазу
Отъ дождей обходный кругъ.

Черепки въ огнѣ червонца.
Дѣдъ, какъ въ жамковой слюдѣ,
И играетъ зайчикъ солнца
Въ рыжеватой бородѣ.

* * *

Тоши да болота,
Синій платъ небесь.
Хвойной позолотой
Взвениваетъ лѣсъ.

Тенькаетъ синица
Межъ лѣсныхъ кудрей,
Темнымъ елямъ снится
Гомонъ косарей.

По лугу со скрипомъ
Тянется обозъ —
Суховатой липой
Пахнетъ отъ колесъ.

Слушаютъ ракиты
Посвистъ вѣтряной..
Край ты мой забытый,
Край ты мой родной.

МАКОВЫЯ ПОБАСКИ.

* * *

Бѣлая свитка и алый кушакъ,
Рву я по грядкамъ зардѣвшійся макъ.

Громко звенить за селомъ корогодъ,
Тамъ она, тамъ она пѣсни поеть.

Помню, какъ крикнула, шигая въ срубъ:
„Что же, красивъ ты, да сердцу не любъ:

Кольца кудрей твоихъ вѣтрами жжетъ,
Гребень мой вострый другой бережетъ“.

Знаю, чѣмъ чуждъ ей и чѣмъ я не милъ:
Меньше плясалъ я и меньше всѣхъ пилъ.

Кротко я съ грустью стоялъ у стѣны:
Всѣ они пѣли и были пьяны.

Счастье его, что въ немъ меньше стыда,
Въ шею ей лѣзла его борода.

Свившись съ нимъ въ жгучее пляски кольцо,
Брызнула смѣхомъ она мнѣ въ лицо.

Бѣлая свитка и алый кушакъ,
Рву я по рядкамъ зардѣвшійся макъ.

Макомъ влюбленное сердце цвѣтеть...
Эхъ, да не мнѣ она пѣсни поеть!

* * *

Матушка въ купальницу по лѣсу ходила,
Босая съ подтыками по росѣ бродила.

Травы ворожиныя ноги ей кололи,
Плакала родималъ въ купыряхъ отъ боли.

Не дознамо печени судорга схватила,
Охнула кормилица, тутъ и породила.

Родился я съ пѣснями въ травномъ одѣялѣ.
Зори меня вешнія въ радугу свивали.

Выросъ я до зрѣлости, внукъ купальной ночи,
Сутемень колдовная счастье мнѣ пророчить.

Да не любо молодцу счастье наготовѣ,
Выбираю удалю и глаза и брови.

Пусть бы меня хаяли, пусть бы всѣ галдѣли,—
Не спугнуть соколика на словахъ и дѣлѣ.

Какъ снѣжинка бѣлая, въ просини я таю
Да къ судьбѣ-разлучницѣ слѣдъ свой заметаю.

КРУЧИНА.

Зашумѣли надъ затономъ тростники.
Плачетъ дѣвушка-царевна у рѣки.

Погадала красна дѣвица въ семикъ.
Расплела волна вѣнокъ изъ повиликъ.

Ахъ, не выйти въ жены дѣвущкѣ весной,
Запугалъ ее примѣтами лѣсной:

На березкѣ пообѣдена кора,—
Выживаютъ мыши дѣвущку съ двора.

Бьются кони, грозно машутъ головой,—
Ой, не любить черны косы домовой!

Запахъ ладана отъ рощи ели льютъ,
Звонки вѣтры панихидную поютъ.

Ходитъ дѣвушка по бережку грустна,
Ткетъ ей саванъ нѣжнопѣнная волна.

ТРОИЦА.

Троицыно утро, утренній канонъ,
Въ роцѣ по березкамъ бѣлый перезвонъ.

Тянется деревня съ праздничнаго сна,
Въ благовѣстѣ вѣтра хмельная весна.

На рѣзныхъ окошкахъ ленты и кусты
Я пойду къ обѣднѣ плакать на цвѣты.

Пойте въ чащѣ, птицы, я вамъ подпою.
Похоронимъ вмѣстѣ молодость мою.

Нонче на закатѣ съ Божьяго крыльца
Стану къ аналою подлѣ молодца.

Батюшкина воля, матушкинъ приказъ,
Горе да кручина повѣнчаютъ насъ.

Ахъ, развейтесь кудри, обсѣкись коса,
Безъ любви погинетъ дѣвичья краса.

Троицыно утро, утренній канонъ,
Въ роцѣ по березкамъ бѣлый перезвонъ.

* * *

Ты поила коня изъ горстей въ поводу,
Колыхалися бусинки въ зыбкомъ пруду.

Я смотрѣлъ изъ окошка на красный платокъ,
Кудри черныя змѣйно трепаль вѣтерокъ.

Мнѣ хотѣлось въ кулюканьи пѣнистыхъ струй
Съ алыхъ губъ твоихъ съ болью сорвать поцѣлуй.

Но съ лукавой улыбкой, брызнувъ на меня,
Унеслася ты вскачь, удилами звеня.

Въ пражѣ солнечныхъ дней время выткало нить...
Мимо оконъ тебя понесли хоронить.

И подъ плачь панихидъ, подъ кадильный канонъ,
Все мнѣ чудился тихій раскованный звонъ.

* * *

Выткался на озерах алый свѣтъ зари.
На бору со звонами плачуть глухари.

Плачеть гдѣ-то иволга, схоронясь въ дупло.
Только мнѣ не плачется—на душѣ свѣтло.

Знаю, выйдешь къ вечеру за кольцо дорогъ,
Сядешь въ копны свѣжія подъ сосѣдній стогъ.

Зацѣлю допьяна, изомну, какъ цвѣтъ,
Хмѣльному отъ радости пересуду нѣтъ.

Не отнимуть знахари, не возьметъ вѣдунъ —
Надъ твоими грезами я, вѣдь, самъ колдунъ.

Ты сама подъ ласками сбросишь шелкъ фаты,
Унесу я пьяную до утра въ кусты.

* * *

Туча кружево въ роцѣ связала,
Закурился пахучій туманъ.
Ѣду грязной дорогой съ вокзала
Вдалекѣ отъ родимыхъ полянъ.

Лѣсъ застылъ безъ печали и шума,
Виснетъ темь, какъ платокъ, за сосной.
Сердце гложетъ плакучая дума...
Ой, не весель ты, край мой родной.

Пригорюнились дѣвушки-ели,
И поеть мой ямщикъ на-умякъ:
— Я умру на тюремной постели,
Похоронятъ меня кое-какъ.

* * *

Дымоиъ половодѣ
Зализало иль.
Желтыя поводья
Мѣсяць урониль.

Ѣду на баркасѣ,
Тычусь въ берега.
Церквами у прясель
Рыжіе стога.

Заунывнымъ каркомъ
Въ тишину болотъ
Черная глухарка
Къ всенощной зоветъ

Роща саламаткой
Кроетъ голытьбу...
Помолюсь украдкой
За твою судьбу.

ДѢВИЧНИКЪ.

Я надѣну красное монисто,
Сарафанъ запетлю синей рюшкой.
Позовите, дѣвки, гармониста,
Прощайтесь съ ласковой подружкой.

Мой женихъ угрюмый и ревнивый,
Не велитъ заглядывать на парней.
Буду пѣть я птахой сиротливой,
Вы-жь пляшите дробнѣй и угарнѣй.

Какъ печальны дѣвичьи потери,
Грустно жить оплаканной невѣстѣ.
Уведетъ женихъ меня за двери,
Будетъ спрашивать о дѣвической чести.

Ахъ, подружки, стыдно и неловко:
Сердце робкое охватываетъ стужа.
Тяжело бесѣдовать съ золовкой,
Лучше жить несчастной, да безъ мужа.

* * *

Сыплеть черемуха снѣгомъ,
Зелень въ цвѣту и росѣ.
Въ полѣ, склоняясь къ побѣгамъ,
Ходятъ грачи въ полосѣ.

Никнуть шелковыя травы,
Пахнетъ смолистой сосной.
Ой, вы, луга и дубравы,—
Я одурманень весной!

Радуютъ тайныя вѣсти,
Свѣтятся въ душу мою.
Думаю я о невѣстѣ,
Только о ней лишь пою.

Сыпь ты, черемуха, снѣгомъ,
Пойте вы, птицы, въ лѣсу!
По полю зыбистымъ бѣгомъ
Пѣной я цвѣтъ разнесу.

РЕКРУТЫ.

По селу тропинкой кривенькой,
Въ лѣтній вечеръ голубой,
Рекрута ходили съ ливенкой
Разухабистой гурьбой.

Распѣвали про любимые,
Да послѣдніе деньки:
„Ты прощай село родимое,
Темна роща и пеньки“.

Зори пѣвились и таяли.
Всѣ кричали, пята грудь:
— До рекрутства горе маяли,
А теперь пора гульнуть.

Размахнувъ кудрями русыми,
Въ плясь пускались весело.
Дѣвки брякали имъ бусами,
Зазывали за село.

Выходили парни бравые
За гуменные плетни.
А дѣвченокъ лукавыя
Убѣгали,—догони!

Надъ зелеными пригорками
Развѣвалися платки.
По полямъ, бредя съ кошелками,
Улыбались старики.

По кустамъ, въ травѣ надъ лыками,
Подъ пугливый возгласъ совъ,
Имъ смѣялась роща зыками
Съ переливомъ голосовъ.

По селу тропинкой кривенькой,
Ободравшись о пеньки,
Рекрута играли въ ливенку
Про остальные деньки.

* * *

Край ты мой заброшенный,
Край ты мой, пустырь.
Сѣнокосъ некошенный,
Лѣсъ да монастырь.

Избы забоченились,
А и всѣхъ-то пять.
Крыши ихъ заплѣнились
Въ заревую гать.

Подъ соломой-ризюю
Выструги стропилъ,
Вѣтеръ плѣсень сизую
Солнцемъ окропилъ.

Въ окна бьютъ безъ промаха
Вороны крыломъ,
Какъ метель, черемуха
Машетъ рукавомъ.

Ужъ не сказъ ли въ прутнику
Жисть твоя и былъ
Что подъ вечеръ путнику
Нашепталъ ковыль?

ПАСТУХЪ.

Я пастухъ, мои палаты—
Межи зыбистыхъ полей.
По горамъ зеленымъ—скаты
Съ гаркомъ гулкихъ дупелей.

Вяжутъ кружево надъ лѣсомъ
Въ желтой пѣнѣ облака.
Въ тихой дрѣмѣ подъ навѣсомъ
Слышу шопоть сосняка.

Свѣтять зелено въ сутемы
Подъ росюю тополя.
Я—пастухъ; мои хоромы—
Въ мягкой зелени поля.

Говорять со мной коровы
На кивливомъ языкѣ.
Духовитыя дубровы
Кличуть вѣтвями къ рѣкѣ.

Позабывъ людское горе,
Сплю на вырубляхъ сучья.
Я молюсь на алы зори,
Причащаюсь у ручья.

БАЗАРЪ.

На плетняхъ висятъ баранки,
Хлѣбной брагой льетъ теплынь.
Солнца струганья дранки
Загораживаютъ синь.

Балаганы, пни и колья,
Карусельный пересвисть.
Отъ вихлистаго приволья
Гнутся травы, мнется листь.

Дробь копытъ и хрипъ торговокъ,
Пьяный пахъ медовыхъ сотъ.
Берегись, коли не ловокъ:
Вихорь пылью размететь.

За лещужною сурьюю —
Бабій крикъ, какъ по утру.
Не твоя ли шаль съ каймою
Зеленѣть на вѣтру?

Ой, удалъ и многосказень
Ладъ веселый на пыжну.
Запѣвай, какъ Стенька Разинъ
Утопилъ свою княжну.

Ты ли, Русь, тропой-дорогой
Разметала алъ нарядъ?
Не суди молитвой строгой
Напоенный сердцемъ взгляды.

* * *

Сторона-ль моя, сторонка,
Горевая полоса.
Только лѣсъ, да посолонка,
Да зарѣчная коса...

Чахнетъ старая церквушка,
Въ облака закинувъ крестъ.
И забольная кукушка
Не летитъ съ печальныхъ мѣсть.

По тебѣ-ль, моей сторонкѣ,
Въ половодье каждый годъ,
Съ подожечка и котомки
Богомольный льется потъ.

Лица пыльны, загорѣлы,
Вѣки выглодала даль,
И впила въ худое тѣло
Спаса кроткаго печаль.

В Е Ч Е Р Ъ.

На лазоревыя ткани
Пролилъ краски багрянецъ.
Въ темной роцѣ, по полянѣ
Плачетъ смѣхомъ бубенецъ.

Затуманились лощины,
Серебромъ покрылся мохъ.
Черезъ прясла и овины
Кажеть мѣсяцъ бѣлый рогъ.

По дорогѣ лихо, бойко,
Развѣвая пѣнный потъ,
Скачетъ бѣшеная тройка
На поселокъ въ хороводъ.

**Смотрят дѣвушки лукаво
На красавца сквозь плетень.
Парень бравый, кучерявый
Ломить шапку на-бекрень.**

**Ярче розовой рубахи
Зори вешнія горять.
Позолоченныя бляхи
Съ бубенцами говорятъ.**

* * *

Чую радуницу Божью —
Не напрасно я живу,
Поклоняюсь придорожью,
Припадаю на траву.

Между сосенъ, между елокъ,
Межь березъ кудрявыхъ бусъ,
Подъ вѣнкомъ въ кольцо иголокъ,
Мнѣ мерещится Исусъ.

Онъ зоветъ меня въ дубровы,
Какъ во царствіе небесъ,
И горитъ въ парчѣ лиловой
Облаками крытый лѣсъ.

Голубиный духъ отъ Бога,
Словно огненный языкъ,
Завладѣлъ моею дорогою,
Заглушилъ мой слабый крикъ.

Льется пламя въ бездну зрѣнья,
Въ сердцѣ радость дѣтскихъ сновъ.
Я повѣрилъ отъ рожденья
Въ Богородицынъ покровъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Русь.

	Стр.
Микола	7
Инокъ	12
Калики	14
Не съ бурянь вътромъ	15
Задымился вечеръ	17
Гой ты, Русь, моя родная	18
Богомолки	20
Поминки	22
Шель Господь	23
Край родной	24
Улогій	25
Въ хатъ	27
Выть	29
Дздь	30
Тоши да болота	31

Маковья побаски.

Бѣлая свитка	35
Матушка въ купальницу	37
Кручина	38
Троица	39
Заиграй, сыграй тальяночка	40

	Стр.
Ты пошла коня	41
Выткался на озера	42
Туча кружево въ рошѣ связала	43
Дымомъ половодье	44
Дѣвичникъ	45
Сыплеть черемуха снѣгомъ	46
Рекруты	47
Край ты мой заброшенный	49
Пастухъ	51
Базаръ	53
Сторона-ль моя, сторонка	55
Вечеръ	56
Чую радуницу Божью	58

ИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

М. В. АВЕРЬЯНОВА.

Петроградъ, Фонтанка, 38. Телефонъ № 128—55.

Изданія М. В. Аверьянова.

- Н. Павловъ-Сильванскій. Собраніе сочиненій. 4 т. Ц. 7 р. 75 к.
т. IV—Феодализмъ въ древней Руси и Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Вел. (печат.).
- Н. Морозовъ. Письма изъ Шлиссельбургской крѣпости. Ц. 1 р. 20 к.
- П. Милуковъ. Главныя теченія русской исторической мысли, нов. изд.
Ц. 1 р. 60 к.
- С. Анкинъ. Деревенскіе рассказы. Ц. 1 р. 20 к.
- По Бароха. Древо познанія. Романъ. Авториз. переводъ съ испанскаго.
Ц. 1 р. 20 к.
- Д. Маминъ-Сибирякъ. Горное гвѣздо, изд. 3-е. Ц. 1 р. 50 к.
Хлѣбъ. Романъ. Изд. 3-е, съ портретомъ. Ц. 2 р. 25 к.
Легенды (печат.).
- А. Федоровъ. Сопеты, худож. изд. Ц. 1 р.
Мщеніе. Эпизодъ изъ жизни Бенневуто Челлини. Ц. 40 к.
- П. Боборыкинъ. Европейскій романъ въ XIX ст. т. II. Русскій романъ
(печатается).
- Н. Клюевъ. Мирскія Думы. Пѣсни изъ Заонсжья. Стих. Ц. 1 р.
- С. Есенинъ. Радунца. Стихотворенія. Ц. 70 к.

Главный складъ изданій

Издательскаго Товарищества Писателей.

~~~~~

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СБОРНИКЪ
АЛТАЙСКІЙ АЛЬМАНАХЪ

изъ произведеній сибирскихъ писателей, посвященныхъ природѣ и быту
Алтая, подъ ред. Г. Д. Гребенщикова. Обл. и рис. художниковъ Гуркина и
Вандакурова. Ц. 1 р. 50 к.

**Книгопродавцамъ и библіотекамъ обычная
уступка.**

Издательское Товарищество Писателей.

Петроградъ, Фонтанка, 38. Телеф. 128—55.

- Первый Художественно-Литературный сборникъ Товарищества: Ив. Бунинъ. «Ночной разговоръ». Валерій Брюсовъ. Стихи. В. Вересаевъ. «Къ Пану». (Изъ Гомеровыхъ гимновъ). С. Сергѣевъ-Ценскій. «Медвѣжонокъ». Графъ Ал. Н. Толстой. «Хромой баринъ». Романъ. Ив. Шмелевъ. «Пугливая тишина». А. Ѳедоровъ. Стихи. Обложка, заставка и концовки—раб. худ. М. Соломонова. Ц. 1 р. 50 к.
- Б. Верхоустинскій. Разказы, т. I. Ц. 1 р. 25 к.
- Г. Яблочковъ. Разказы, т. I. Ц. 1 р. 25 к.
- А. Чапыгинъ. Нелюдимые. Разказы. Ц. 1 р.
- Бѣлый Смигъ. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
- Г. Гребеншиновъ. Въ просторахъ Сибири. Разказы. Ц. 1 р. 25 к.
» Въ просторахъ Сибири, т. II. Ц. 1 р. 25 к.
- С. Холщевниковъ. Новая крѣпъ. Очерки и разказы. Ц. 1 р. 25 к.
- Ив. Коноваловъ. Очерки современной деревни. Ц. 1 р. 50 к.
- Вл. Ладыженскій. Дома. Разказы. Обложка худ. Афанасьева. Ц. 1 р.
- А. С. Пушкинъ. Уединенный домикъ на Васильевскомъ. 1913 г. Ц. 50 к.
- Будящевъ, Ал. Н. Бунтъ совѣсти. Романъ. Ц. 1 р.
» Черный буйволъ. Двѣнадцать разказовъ. Ц. 1 р.
- А. Турнинъ. Степное. Очерки и разказы. Ц. 1 р. 25 к.
- С. Кондурушкинъ. Вслѣдъ за войной. Очерки великой войны. Обл. Соломонова. Ц. 1 р. 25 к.
-

Сочиненія Вл. Ладыженскаго.

- Стихи. Изд. 2-е. «Литер. Дѣла». Ц. 1 р.
- Разказы, т. I (изд. «Общ. Пользы»). Ц. 1 р.
- Исторія русской литературы для школь и народа. Ц. 40 к.
- Дома. Разказы, т. II. Ц. 1 р.
-

Складъ изданій:

Книжный складъ М. В. Аверьянова. ПГ., Фонтанка, 38,
телеф. 128—55.

Библиотекамъ и книгопродавцамъ обычная уступка.

**ПОСЛЕСЛОВИЕ
К РЕПРИНТНОМУ ИЗДАНИЮ**

ПЕРВАЯ КНИГА СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

Первая книга Есенина помечена 1916 годом. Однако сам поэт писал в 1923 году, что она появилась осенью 1915-го. В «Автобиографии» (1924) о «Радунице» сказано так: «Вышла она в ноябре 1915 г. с пометкой 1916 г.»

Каких-либо данных, подтверждающих эту авторскую версию, до сих пор не обнаружено. Но есть документ, вообще ставящий под сомнение возможность выхода книги осенью или – точнее – в ноябре 1915 года. Вот он:

«1915 года, ноября 16 дня продал Михаилу Васильевичу Аверьянову в полную собственность право первых изданий в количестве трех тысяч экземпляров моей книги стихов „Радуница“ за сумму сто двадцать пять рублей и деньги сполна получил.

Означенные три тысячи экземпляров М.В.Аверьянов имеет право выпустить в последовательных изданиях.

Крестьянин села Константинова Рязанского уезда и Рязанской губернии Кузьминской волости.

Сергей Александрович Есенин.

Петроград, Фонтанка, 149, кв. 9»¹.

Вероятно, в строках автобиографий сказалась ошибка памяти: месяц выхода книги спутан с месяцем подписания соглашения о ее выпуске.

Во всяком случае, ни в ноябре, ни в первой половине декабря книги в продаже не было. Об этом можно судить по есенинскому письму, отправленному Р.В.Иванову-Разумнику до 21 декабря 1915 года. Там сказано: «Радуница» выходит «на днях».

Первое документальное свидетельство о завершении печатания сборника – дарственная надпись на «Радунице», посланной в рязанское село Спас-Клепики: «Доброму ста-

---

¹ Есенин С.А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1980. Т. 6. С. 68.

рому учителю Евгению Михайловичу Хитрову от благодарного ученика, автора этой книги. 1916. 29 января. Петроград».

Надо полагать, издатель выдал автору один или несколько экземпляров «Радуницы» до получения цензурного разрешения на выпуск ее в свет.

В Петроградский комитет по делам печати сборник Есенина поступил 28 января 1916 года, одобрен цензором Ефимовым 30 января и возвращен 1 февраля 1916 года².

Тогда же, в самом начале февраля, Есенин получил от издателя пятьдесят экземпляров своей книги (сохранилась расписка) и сделал дарственные надписи близким знакомым (М.Мурашову – 4 февраля, И.Ясинскому – 7, Н.Вентрову – 8, Ю.Балтрушайтису – 9, М.Горькому – 10...).

В «Книжной летописи» (1916, № 7, 19 февр.) сборник Есенина зарегистрирован среди книг, поступивших с 11 по 18 февраля 1916 года.

Таким образом, печатание первой книги Сергея Есенина «Радуница» было закончено в последних числах января, и она вышла в свет не позже 18 февраля 1916 года.

В некоторых воспоминаниях современников Есенина можно встретить утверждение, что у него не было ученического периода, что он сразу заявил о себе как о зрелом поэте.

С этим согласиться невозможно.

Есенин не раз писал в автобиографиях: слагать стихи начал рано, лет с 8–9-ти. Это были подражания деревенским частушкам, переделанные на свой лад сказки, услышанные от бабушки, зарисовки природы. Самые первые строки до нас не дошли, но стихи, безусловно относящиеся ко времени учебы Есенина в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе (1909–1912), сохранились.

Надо сказать, стихи эти бледные, подражательные. Вот, например, начало стихотворения «Пребывание в школе» (1912):

---

² Данные – по ст. В.А.Вдовина «Когда был издан первый сборник стихов С.Есенина?» Вестн. Моск. ун. Сер. Филология, журналистика. 1965. № 2. С. 76.

Душно мне в этих холодных стенах,
Сырость и мрак без просвета.
Плесенью пахнет в печальных углах —
Вот она, доля поэта.

Бедны по смыслу, не выразительны по языку и стихотворения тех лет: «Поэт», «Ночь», «Звезды», «Воспоминание», «Моя жизнь»..

В 1912 году Есенин из родного Константинова отправляется в Москву, где жил и работал его отец. Молодой поэт устраивается в типографию И.Д.Сытина, слушает лекции в Народном университете А.Л.Шанявского, посещает собрания Суриковского литературно-музыкального кружка... Завязываются знакомства с поэтами, сотрудниками редакций газет и журналов.

1914 год. В январском номере детского журнала «Мирок» появляется стихотворение «Береза» — первая публикация Сергея Есенина (под псевдонимом «Аристон»). В последующие месяцы — уже под своей фамилией — он печатает стихи не только в детских изданиях, но и в большевистской газете «Путь правды», в журналах «Друг народа», «Марс», «Парус»...

Тетрадь со стихотворениями тех лет Есенин послал в Петроград критику Л.М.Клейнборту, возможно, не без надежды выпустить их отдельной книжкой. Но стихи молодого сочинителя не произвели впечатления, на которое он рассчитывал. По мнению критика, они не выделялись «из всей груды виршей», что печатали тогда суриковцы, литераторы-самоучки. «Недаром этих стихотворений, — писал Клейнборт, — поэт не ввел впоследствии ни в один из своих сборников».

С особым подъемом Есенин работает над стихами в конце 1914 — начале 1915 года. Можно предположить, что не последнюю роль в этом сыграла высокая похвала, с какой видный литературовед профессор Университета А.Шанявского П.Сакулин отозвался о новом стихотворении молодого рязанца «Выткался на озере алый свет зари...» Уйдя из типографии, Есенин, по словам друга, полностью отдается творчеству, пишет целыми днями. Скорее всего именно в эти месяцы им и созданы произведения, где впервые сверкнуло золото истинно есенинской поэзии.

«В это время, — отмечал он в „Автобиографии“ (1924), — у меня была написана книга стихов „Радуница“. Я послал из них некоторые в петербургские журналы и, не получая ответа, поехал туда сам»

9 марта 1915 года Есенин встретился с Александром Блоком. Знаменитый поэт по достоинству оценил «свежие, чистые, голосистые» стихи юного поэта, дал ему рекомендательные письма к литератору М.Мурашову, известному поэту Сергею Городецкому. Они встретили Есенина радушно, помогли устроить его стихи в газеты и журналы. «Обо мне заговорили, и меня начали печатать чуть ли не нарасхват», вспоминал Есенин в «Автобиографии» (1924).

Приезд в Петроград Есенина совпал с организацией Городецким литературной группы «Краса» и нового издательства. Среди других книг предполагалось выпустить два сборника Есенина — «Рязанские побаски, канавушки и страдания» и «Радуница». Но группа распалась, намеченные есенинские издания не осуществились.

Вскоре Городецкий делает еще один шаг для издания «Радуницы». Он обращается к редактору Петроградского отделения газеты «Русское слово» А.В.Руманову с просьбой выпустить есенинский сборник у Сытина: «Стихи медовые, книга чудесная. Приласкай!» Но и эта попытка успеха не имела.

В октябре Есенин знакомится с приехавшим в Петроград Николаем Клюевым. Тот завершал переговоры о выпуске своей книги «Мирские думы». Он-то и привел своего нового друга на Фонтанку, 38, в издательскую контору М.В.Аверьянова (1867—1941). Издательство это по петербургским масштабам было скромным, да и сам его владелец, по определению Есенина, оказался «шельмоватым». Но выбора не было.

16 ноября 1915 года Есенин подписал запродажную Аверьянову на издание сборника стихов «Радуница»

В «Радуницу» Есенин включил тридцать три стихотворения, составившие два раздела — «Русь» и «Маковые побаски». В какие годы они написаны? Установить это (в ряде случаев приблизительно) помогают сохранившиеся автографы, первые публикации произведений, датировка их,

произведенная автором при подготовке в 1925 году трехтомного «Собрания стихотворений».

«...Сознательное творчество отношу к 16–17 годам, – писал Есенин в автобиографии 1922 года. – Некоторые стихи этих лет помещены в „Радунице“».

По авторской датировке в «Собрании...» такими стихами являются: «Ты поила коня из горстей в поводу...» («Подражанье песне»), «Выткнулся на озере алый свет зари...» «Дымом половодье...» «Сыплет черемуха снегом...» «Калики» (1910), «Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...» «Матушка в Купальницу по лесу ходила...» «Задымился вечер, дремлет кот на бруссе...» (1912) – т.е. восемь стихотворений.

В критической литературе все прочнее утверждается мнение, что датировка ранних стихов в «Собрании...» за единичными исключениями ошибочна. Наиболее основательно этот вопрос рассмотрен в статье В.Кожина «Когда Есенин стал поэтом? Легенды и факты» (Сб. «В мире Есенина», М.: Советский писатель, 1986). Исследователь, в частности, пишет: «Все стихи Есенина, о которых вполне достоверно, что они созданы до 1915 года или по крайней мере до последних месяцев 1914 года, очень резко, принципиально отличаются от позднейших» (с. 592). Справедливость этих слов очевидна.

Так что и восемь самобытных, отмеченных высокой поэтичностью стихотворений из «Радуницы», по авторской датировке относящиеся к 1910 – 1912 годам, на самом деле написаны позже, во всяком случае, не раньше осени 1914 года. Это время можно считать началом подлинного Есенина.

Есенин со строгостью отбирал стихотворения для своей книги. Пятнадцать из них впервые увидели свет на страницах «Радуницы». Остальные были опубликованы в известных петроградских журналах, пользовавшихся популярностью у читающей публики.

«Получив авторские экземпляры („Радуницы“ – С.К.), – вспоминал М.Мурашов, – Сергей прибежал ко мне радостный, уселся в кресло и принялся перелистывать, точно пестуя первое свое детище. Потом, как бы разглядев недостатки своего первенца, проговорил:

– Некоторые стихотворения не следовало бы помещать»

Есенинская «Радуница» появилась в те годы, когда у любителей поэзии были на слуху имена Блока и Брюсова, Белого и Городецкого, Бунина и Северянина, Бальмонта и Маяковского... Листаешь тогдашние журналы, альманахи, просматриваешь различные сборники и видишь, сколь много печаталось романов, повестей, стихотворений... Как легко было среди книг с громкими именами на обложках или одетых в роскошные переплеты остаться незамеченным скромному сборнику стихов в несколько десятков страниц!

Но «Радуница» не затерялась. Она привлекла внимание и читателей, и критиков, и признанных литературных метров. «Все в один голос говорили, что я талант, – заметил Есенин в „Автобиографии“ (1923). – Я знал это лучше других»

Одним из первых печатных откликов на выход «Радуницы» была небольшая рецензия Н.Венгрова в журнале «Современный мир». Удивительна оперативность журнала: отзыв помещен в номере, вышедшем в тот же месяц, что и сама «Радуница», – в феврале 1916 года. Критик с явной симпатией относится к этой «весенней и очень молодой книжечке стихов». Он обильно цитирует строки поэта и делает вывод: «Несомненно, что Есенин знает то, что пишет, – сам оттуда, от земли. И поэтому большой любовью к земле и к травам, и в „посвисту ветряному“, и к „ухлюпам трясин“ пропитаны его строки»

Более обстоятельная характеристика «Радуницы» дана в «Ежемесячных литературных и научно-популярных приложениях к журналу „Нива“» (1916. № 5). Здесь с рецензией выступила Э.Бухарова (под инициалами Э.Б.), постоянный автор библиографического отдела издания.

«Сергей Есенин, – говорится в рецензии, – очень молод, и на всем его сборнике лежит прежде всего печать подкупающей юной непосредственности. Соблазны культуры почти ничем еще не задели ясной души „Рязанского Леля“. Он поет свои звонкие песни легко, просто, как поет жаворонок. Усталый, пресыщенный горожанин, слушая их, общается

к забытому аромату полей, бодрому запаху черной, разрыленной земли, к неведомой ему трудовой крестьянской жизни, и чем-то радостно-новым начинает биться умудренное всякими исканиями и искусствами вялое сердце. Сергей Есенин пленителен именно в песнях, взятых прямо от пашни, от нивы, от сенокоса»

Бухарова видит в молодом авторе художника крестьянского быта, родной земли. Особенно характерным для Есенина она считает его «Маковые побаски», где «так ярко зарисована жизнь деревни в ее праздниках, труде, обрядности, где ласковые, свежие строки, при всей их внешней легкости, обвеваны дымкой кроткой, не вполне еще осознанной, чисто славянской грусти». Отмечает критик и музыкальность, красочность стихов.

«Народный златоцвет» — так озаглавил свою большую статью профессор П.Сакулин, опубликованную в журнале «Вестник Европы» (1916. № 5). Как рассказывал автору этих строк Сергей Митрофанович Городецкий, Есенин особенно гордился этим отзывом о его стихах, прозвучавшим со страниц солидного, основанного еще в 1866 году, журнала. Словами «народный златоцвет» автор статьи дал определение народно-поэтическому творчеству, высоко оценив его значение в жизни русского народа. Есенину было особенно лестно читать, что он — один из тех новых поэтов, которые, «свободно развернув свою поэтическую индивидуальность, не порвали с народной почвой, творят в народном стиле и часто для народа»

«С первых же минут своей жизни, — пишет Сакулин, — Есенин приобщился к народно-поэтическому миру... Весенним, но грустным лиризмом веет от „Радуницы“... Он превращает в золото поэзии все — и сажу над заслонками, и котла, который крадется к парному молоку, и кур, беспокойно квохчущих над оглоблями сохи... В Есенине говорит непосредственное чувство крестьянина, природа и деревня обогатили его язык дивными красками... Для Есенина нет ничего дороже родины...»

Статью П.Сакулина, по словам Городецкого, Есенин перечитывал по нескольку раз...

Не прошел мимо «Радуницы» и журнал «Северные записки», для Есенина родной, — на его страницах была

опубликована повесть «Яр» Здесь печатались рассказы Ивана Бунина, Евгения Замятина, Михаила Пришвина, Алексея Чапыгина, стихи Александра Блока, Анны Ахматовой, Николая Клюева, Валерия Брюсова... Об искусстве и литературе писали Айседора Дункан, Николай Пунин, Борис Эйхенбаум... Рецензировались «Четки» Ахматовой, «Цветущий посох» Городецкого, «Ананасы в шампанском» Северянина, «Колчан» Гумилева... В качестве рецензента часто выступала поэтесса Софья Парнок (под псевдонимом Андрей Полянин). Ей же принадлежит и отзыв о «Радунице» (1916, июнь).

В рецензии отмечается одаренность молодого поэта, органичность его стихов, представляющих «несомненную поэтическую ценность» «Сергей Есенин в начале длинного и широкого пути, – заключает автор. – Через „Радуницу“ из глубины России послан нам „напоенный сердцем взгляд“, и мы рады, что можем ответить ему с полным дружельюбием”.

Отдавая должное поэтической свежести «Радуницы», рецензенты отмечали и недостатки вошедших в книгу стихов. Так, Н.Венгров писал: «„Белая свитка и алый кушак“, „кольца кудрей“, „красна девица, гадающая в семик“ и все прочее в таком роде – так же ново и так же „свое“, как „слезы – грезы“ и „кровь – любовь“... Хорошо бы с этой дешевой и уже вульгарной стилистикой покончить и найти новое для выражения несомненно тоже нового в деревне»

З.Бухарова отмечает некоторое однообразие ритма стихов, безвкусные сравнения: «кружево» леса, «плат» небес. Она полагает, что поэт «должен твердо держаться принятого пути, не увлекаться опасными модными течениями, погубившими уже столько свежих дарований»

На литературность некоторых выражений, перегруженность языка местными словами обратила внимание поэт С.Парнок.

Как в этих, так и в других рецензиях (а они появились и на страницах некоторых периферийных газет) рядом с Есениным назывался Клюев, и для этого, конечно, были основания. «Оба они, – отмечал Сакулин, – кровные дети крестьянской России... Клюев и Есенин нашли заветный

клад из самоцветных камней. Благоговейной рукой они выкладывают из них художественно-мозаичные образы»

«Нежный, ласково-чарующий крестьянский лирик Есенин» и «мудрый, глубокий „сказитель“ Клюев», по определению З. Бухаровой, — подлинно национальные таланты. «Приветствуя их книги, мы согреваемся душой и верим в самые светлые достижения непочатых, неиссякаемых сил нашего народа»

Сложными станут в будущем отношения этих двух русских поэтов, но в том, 1916 году еще ничто не омрачало их как бы самой судьбой предопределенную дружбу. И книги-то их — «Мирские думы» и «Радуница» вышли в одном издательстве и в одно и то же время.

В 1918 году издательство Московской трудовой артели художников слова выпустило второе издание «Радуницы». На титуле стояло: 2-й год I века.

Вскоре Есенин беседовал с профессором И. Н. Розановым, и разговор коснулся «Радуницы». Поэт рассказал:

— В первом издании у меня много местных рязанских слов. Слушатели часто недоумевали, а мне это сначала нравилось. «Что это такое значит, — спрашивали меня:

*Я странник улогий
В кубетке сырой?»*

Потом я решил, что это ни к чему. Надо писать так, чтобы тебя понимали. Вот и Гоголь: в «Вечерах» у него много украинских слов; целый словарь понадобилось приложить, а в дальнейших своих малороссийских повестях он от этого отказался. Весь этот местный, рязанский колорит я из второго издания своей «Радуницы» выбросил.

— Но и вообще второе издание, кажется, сильно переработано, — заметил Розанов, — состав стихотворений другой.

— Да, я много стихотворений выбросил, а некоторые вставил, кое-что переделал³.

Есенин не включил во второе издание «Радуницы» стихотворения «Поминки», «Девичник», «Дед» и другие, поместил «Марфу Посадницу», «Русь», «Исус-младенец»,

---

³ По воспоминаниям И. Розанова. См.: Жизнь Есенина: Рассказывают современники. М., 1988. С. 266.

«Осень».. Всего в книгу вошло 28 стихотворений. В новом издании материал был перераспределен по четырем разделам: «Радуница», «Песни о Микколе», «Русь», «Звезды в лужах» У части стихотворений сняты заголовки.

Третье издание «Радуницы» выпустили «Имажинисты» в 1921 году (Москва). Оно с небольшими изменениями повторяло второе издание (опущены названия разделов и несколько стихотворений).

В «Избранном» (М.: Госиздат, 1922), первом томе «Собрания стихов и поэм» (Пг.; М.; Берлин, 1922), «Березовом ситце» (М.: Госиздат, 1925) «Радуница» была представлена в сокращении и являлась первым разделом изданий.

Готовя в 1925 году свое «Собрание...», ряд стихотворений, входивших в первое издание «Радуницы», Есенин переделал, и они печатаются ныне в этой, последней, редакции.

На стихи из «Радуницы» («Матушка в Купальницу по лесу ходила...», «Сторона ль моя, сторонка...», «Выткался на озере алый свет зари...», «Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...» и другие) написана музыка.

В 1975 году в Ливерпуле выпущено факсимильное издание «Радуницы». Оно снабжено предисловием Джесси Девис – английской переводчицы произведений великого русского лирика.

Первая книга поэта... Не у каждого она бывает удачной. У Есенина – несмотря ни на что – была.

Рассказывали: когда с ним, оставившим этот мир, прощались ленинградские друзья, кто-то положил в изголовье вместе с цветами несколько книжечек.

Одна из них называлась «Радуница»

Это было напоминание о начале его славы.

Бессмертной славы.

СЕРГЕЙ КОШЕЧКИН

Сергей Александрович Есенин
Радуница

Репринтное воспроизведение
издания 1916 года

Послесловие к репринтному изданию
С.П.Кошечкина

Ответственный за выпуск
В.И.Синюков

Технический редактор
Л.П.Емельянова

ИБ № 1936

Подписано в печать 18.10.89. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная № 1. Печать высокая. Усл. печ. л. 4,65.
Усл. кр.-отт. 5,00. Уч.-изд. л. 1,59. Тираж 100 000 экз.
Изд № 4877. Зак. № 980 Цена 1 р.

Издательство «Книга»
125047, Москва, ул. Горького, 50

Ярославский полиграфкомбинат
Государственного комитета СССР по печати
150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Е 4702010102-037 Без объявл.
002(01) – 90

ISBN 5-212-00330-X

1 руб.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Книжный складъ М. В. АВЕРЬЯНОВА, Фонтанка, 38. Тел. 128-55.